

Татаринцева Елена Александровна

**ОТ СТИГМАТИЗАЦИИ К СТАТУСУ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА
УСЫНОВЛЕНИЯ В АНГЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ**

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития института усыновления в Англии с момента его легализации в 1926 г. Делается вывод о достигнутых результатах в законодательном совершенствовании указанного института: приравнивание правового статуса усыновленного ребенка к правовому статусу ребенка из кровнородственной семьи, наличие наряду с тайной процедурой усыновления открытых процессуальных механизмов, направленных на максимально быструю передачу ребенка в семью, высокая оценка социального родительства, что позволило сделать усыновление одним из приоритетных способов защиты прав детей, оставшихся без родительского попечения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/44.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 186-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Музыкальная культура Сибири:** учебник / под ред. Б. А. Шиндина, Л. П. Робустовой. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки, 2006. 424 с.
7. **Народное музыкальное творчество:** учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005. 568 с.
8. **Нилов В. Н.** Северный танец. Традиции и современность. Изд-е 2-е, доп. М.: Северные просторы, 2005. 168 с.
9. **Харлап М. Г.** Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 221-273.
10. **Шейкин Ю. И.** Обрядовое интонирование саха (алгыс и осуохай) // Обрядовая поэзия саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2003. С. 58-114.

SOUND-PITCH ORGANIZATION OF YAKUT ROUND DANCE *OHYOXAI* SONGS

Tatarinova Aleksandra Dmitrievna

Novosibirsk State Conservatoire (Academy) named after M. I. Glinka
sasha.sakha@mail.ru

The article is devoted to the study of the sound-pitch organization of the Yakut round dance *ohyoxai* songs. With the help of the analysis method based on the simultaneous examination of sound pitch and rhythmical organization it is proved that: 1) in different local traditions tonal structures differ not only in scales but also in tones functional loads; 2) one and the same scale may have different tonal-functional organization typical of one or another local tradition.

Key words and phrases: Yakut folklore; round dance *ohyoxai*; local varieties; song; sound-pitch organization; tones functions; tonal structure.

УДК 347.633

Юридические науки

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития института усыновления в Англии с момента его легализации в 1926 г. Делается вывод о достигнутых результатах в законодательном совершенствовании указанного института: приравнивание правового статуса усыновленного ребенка к правовому статусу ребенка из кровнородственной семьи, наличие наряду с тайной процедурой усыновления открытых процессуальных механизмов, направленных на максимально быструю передачу ребенка в семью, высокая оценка социального родительства, что позволило сделать усыновление одним из приоритетных способов защиты прав детей, оставшихся без родительского попечения.

Ключевые слова и фразы: усыновление де-факто; внебрачные новорожденные дети; дети старшего возраста; стигматизация; согласие родителей на усыновление; судебная процедура усыновления; защита прав; ребенок, лишенный попечения родителей; правовой статус.

Татаринцева Елена Александровна, к.ю.н.

Институт дружбы народов Кавказа (филиал) в г. Светлограде
tatarintseva67@mail.ru

ОТ СТИГМАТИЗАЦИИ К СТАТУСУ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УСЫНОВЛЕНИЯ В АНГЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ©

Интерес к исследованию истории английского законодательства об усыновлении неслучаен. Та стремительность, которая характерна для его развития, упорство, с которым английское общество пыталось легализовать его в начале XX столетия, чтобы к началу XXI столетия превратить институт усыновления в один из основных способов защиты прав ребенка, утратившего родительское попечение, наделив его полноценным правовым статусом, позволяет взглянуть на данный институт с точки зрения полезности его опыта для Российской Федерации и решения в этой сфере задач, определенных Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012-2017 гг.

Институт усыновления в Англии прошел сложный исторический путь развития. В отличие от многих европейских стран, таких как Франция, Германия, Италия и Испания, а также Канада и некоторые штаты Северной Америки, в частности, Массачусетс, Луизиана и Техас, где основой развития законодательства об усыновлении стало римское право, распространившееся на этих территориях через воздействие французского и испанского права, в Англии институт усыновления получил правовое признание лишь в 1926 г. После этого усыновление было законодательно признано в 1929 г. в Северной Ирландии и в 1930 г. – в Шотландии [14, р. 308].

Отсутствие законодательного признания данного института вело к невозможности установления прав усыновителей по отношению к воспитываемому ими ребенком. Английские семьи были вынуждены воспитывать детей, оставшихся без родительского попечения, не имея способов правовой защиты от неразборчивых

в средствах их родителей, которые, согласно общему праву, могли вернуть ребенка обратно в любое время. Обычно это происходило при достижении им трудоспособного возраста, когда ребенок начинал зарабатывать собственные деньги [11, р. 186]. Вплоть до 20-х гг. XX столетия усыновление осуществлялось на основании неформальных соглашений.

Движение за законодательное признание института усыновления развивалось в Англии в рамках общего движения за защиту прав детей. Однако требование о признании усыновления постоянно наталкивалось на препятствия, замедляющие его реализацию. В 1889-1890 гг. производились попытки внести на рассмотрение законопроект об усыновлении, ставивший целью защитить как права детей, лишенных родительского попечения, так и права лиц, заботившихся о них в так называемом усыновлении де-факто, но они были неудачны. Камнем преткновения стали положения о неотчуждаемости родительских прав – «кардинального принципа английского права», нарушение которого оппозиция Ее Величества считала недопустимым.

Слишком медленное формальное правовое признание института усыновления объяснялось также рядом других причин. Так, существовавшая в Англии свобода завещания означала, что имущие классы имели возможность заключать финансовые соглашения в отношении ребенка, независимо от наличия законного родительского статуса. Поэтому необходимость в формальном изменении этого статуса была менее острой, чем в странах, чья правовая система ограничивала возможность составить завещание или иное распоряжение в пользу тех, кто не являлся законным членом семьи. Незаконнорожденные дети богатых родителей были обеспечены материально, даже если они воспитывались вне семьи своего происхождения, но такие случаи были нечастыми и не касались большинства внебрачных детей.

Принятый в 1891 г. Закон об охране детей в соответствии с Habeas corpus акт наделил суд правом действовать по собственному усмотрению в случае, если родитель требовал вернуть себе обратно де-факто усыновленного ребенка, от которого он ранее отказался или его бросил. В этом случае, хотя правовой статус ребенка не изменялся, «усыновители» могли обращаться с просьбой о применении мер защиты против любых требований, предъявляемых со стороны родителей ребенка.

В 1899 г. был принят Закон о праве бедных, предусмотревший некоторые меры защиты для семей рабочих, заботившихся о чужих детях. В законе указывалось, что решением органов местного самоуправления опекуны при определенных обстоятельствах могут приобретать все родительские права и обязанности в отношении ребенка до достижения им возраста 18 лет, а затем принимать меры к «усыновлению ребенка» [Ibidem]. И хотя полномочия опекунов были явно недостаточными и не всегда осуществлялись даже в случаях, очевидно требовавших реализации, впервые зафиксированный в статутах термин «усыновление» имел огромное значение, поскольку свидетельствовал о появлении концепции усыновления.

В начале XX столетия английское общество столкнулось с проблемой, когда, с одной стороны, родители, имеющие все права в отношении своих незаконнорожденных детей, не хотели или не могли их воспитывать, а с другой, как правило, бездетные семейные пары желали и были готовы воспитывать этих детей как своих собственных, но не имели на то законных прав. Неспособность правовой системы защитить тех, кто де-факто осуществлял заботу о нуждающихся детях, по мнению проф. С. Кретни, явилась «наиболее мощным фактором, повлиявшим на выдвижение требования о более широком законодательном признании института усыновления» [Ibidem].

Первая мировая война привела к резкому увеличению числа нуждающихся сирот, что повлекло за собой значительный рост усыновлений де-факто, наиболее очевидно проявившийся с 1918 г. по 1920 г. И хотя установить их точное число не было возможности, единственное существовавшее тогда так называемое «общество по усыновлению» – Национальная ассоциация усыновления детей – в период между 1917 г. и 1926 г. заключило 2057 соглашений об усыновлении [Ibidem].

Интерес законодателей к проблеме усыновления вновь вспыхнул в 1920 г., когда был создан Комитет под председательством сэра Альфреда Хопкинсона, задачей которого было рассмотрение вопроса о необходимости введения законодательных положений об усыновлении детей. Доклад Комитета Хопкинсона, сделанный в 1921 г., со ссылкой на доказательства, основанные на практике социальной работы, не оставил и тени сомнения в том, что институт усыновления должен быть законодательно прописан [9, р. 4]. При этом Комитетом было особенно отмечено, что помещение ребенка на воспитание в семью стоит значительно дешевле, чем его содержание в государственном учреждении [Ibidem].

Однако в Министерстве внутренних дел Великобритании доклад Комитета Хопкинсона был воспринят критически [11, р. 187], после чего последовал длительный период законодательного бездействия.

Решительные действия по законодательному признанию усыновления в английском праве были предприняты в 1924 г. лейбористским правительством Великобритании. Вновь назначенный Правительственный комитет под председательством Дж. Томлина – судьи отделения Лорд-канцлера, хотя и не относился к проблеме усыновления с большим энтузиазмом, но в его первом докладе, сделанном в 1925 г., была признана серьезность проблемы рождения внебрачных детей, при этом спорным оставался вопрос о том, сможет ли институт усыновления «помочь с решением этой проблемы» [16]. По мнению Комитета Томлина, сторонники усыновления разделились на две группы: одни полагали, что принятие закона об усыновлении предотвратило бы незаконную торговлю детьми, включая передачу их через посредников другим лицам за плату или без нее, их вывоз в другую страну без свидетельств о рождении; другие защищали интересы усыновителей де-факто и надеялись, что, поступая таким образом, они будут способствовать «росту числа лиц, которые готовы усыновлять детей, чьи родители неспособны или не желают их воспитывать». Комитет отклонил идею

сторонников первой группы, однако предложения второй группы Комитет изучил со вниманием и, несмотря на свою точку зрения о том, что их заявления об отсутствии гарантий для усыновителей де-факто слишком преувеличены, сделал вывод, что наступил момент для законодательных изменений, которые давали бы право родителю ребенка с надлежащими гарантиями «передать другому лицу все или только некоторые родительские права и обязанности» [Ibidem].

Вскоре после своего первого доклада Комитет Томлина опубликовал второй доклад [34], содержащий в себе законопроект, ставший, по существу, Законом об усыновлении детей 1926 г. (далее – Закон 1926 г.), знаменовавший собой рождение английского права усыновления [9, p. 5]. Закон об усыновлении детей был принят Британским Парламентом 4 августа 1926 г. и вступил в силу 1 января 1927 г.

В основу Закона 1926 г. было положено представление о том, что усыновление является процессом, где под контролем со стороны суда между родителями ребенка и его усыновителями заключаются и регистрируются гражданские контракты, обязательным условием заключения которых должно служить согласие родителей усыновляемого ребенка или лиц, их заменяющих, – опекуна, а также лица, обязанного содержать ребенка. В сущности, законному родителю ребенка предоставлялась возможность передать свои родительские права и обязанности другому лицу. Таким образом, впервые свое законодательное закрепление получил окончательный, бесповоротный акт передачи родительских прав и обязанностей от биологического родителя к родителю-усыновителю, а усыновленный ребенок становился законным ребенком усыновителей.

Закон 1926 г. требовал получения свободного согласия родителей на усыновление. Согласие выступало решающим моментом, главным условием в вопросе усыновления и основывалось на традиции, установленной в римском праве, в котором, однако, требовалось лишь согласие отца, обладающего полной властью в семье. Целью получения родительского согласия было предоставление гарантии того, что мать, передающая своего ребенка на постоянное воспитание, действует не вынужденно, под давлением внешних обстоятельств, а осознанно. Предполагалось, что, давая согласие на усыновление, стороны понимали сущность и последствия своих действий и осуществляли их свободно, по собственной воле. Право суда обходиться без родительского согласия устанавливалось лишь в строго ограниченных случаях: если родитель ребенка безвестно отсутствовал; оставил ребенка; являлся недееспособным для того, чтобы дать согласие на усыновление.

Усыновителем могло быть как одинокое лицо, так и супруги, имеющие право усыновлять раздельно. Усыновленным могло быть лишь несовершеннолетнее лицо, не достигшее возраста 21 года, однако его правовой статус оставался неопределенным [11, p. 196]. Закон 1926 г. не позволял усыновленному полностью интегрироваться в семью своих усыновителей, поскольку не затрагивал имущественных и наследственных прав усыновленных детей и не предусматривал право наследования имущества усыновителей, сохраняя все наследственные права ребенка по отношению к биологической семье [6].

Дальнейшее развитие событий действительно показало, что изменение правил, касавшихся права наследования, явилось одним из тех коренных изменений, которые повлияли как на саму природу усыновления, так и на формирование английского законодательства об усыновлении и его процедуры в целом.

Стремясь обеспечить защиту прав ребенка, Комитет Томлина рекомендовал, чтобы акт усыновления завершался вынесением судебного приказа, а не основывался на простом осуществлении административных действий, регистрирующих волю сторон, которые передают и принимают родительские права и обязанности [16]. Такие шаги были предприняты с целью обеспечения эффективной защиты прав и интересов ребенка в случае, если социальное и экономическое давление, диктуемое жизненными обстоятельствами, могло «заставить мать ребенка отказаться от него окончательно против ее желания...» [Ibidem]. Помимо этого, требование судебной санкции гарантировало компетентное и независимое рассмотрение дела с точки зрения обеспечения благосостояния ребенка и противодействовало незаконной торговле детьми. Следует отметить, что в тот исторический отрезок времени внимание английского правительства не было сосредоточено на поиске постоянного альтернативного дома для детей, лишенных попечения родителей. Закон 1926 г. предусматривал обеспечение постоянных домов для младенцев, чьи матери не состояли в браке, и поощрял создание нового семейного ядра путем заключения законного брака между родителями ребенка.

Поскольку процедура усыновления рассматривалась в качестве контракта для получения свободного и действительного родительского согласия на усыновление, суд требовал присутствия на процессе биологических родителей, которые должны были знать, что произойдет с их ребенком. Было высказано мнение, что имя и адрес усыновителя в форме о согласии следует изменять. Существовала реальная опасность того, что если мать захочет узнать местонахождение своего ребенка, она может нарушить его покой или шантажировать усыновителей. Эта потенциальная опасность удерживала усыновителей от обращения к процедуре, предусмотренной Законом об усыновлении 1926 г. Поэтому значительное число усыновлений, произведенных де-факто, продолжало оставаться нелегализованными: спустя десять лет после вступления в силу Закона об усыновлении 1926 г. только треть усыновлений, произведенных по соглашению с одним из трех крупнейших агентств по усыновлению, была осуществлена на основании Закона 1926 г. Таким образом, Закон 1926 г. впервые сделал возможным правовое регулирование института усыновления, однако под сферу его влияния не попадали добровольные общества по усыновлению, деятельность которых продолжала оставаться вне контроля со стороны закона.

Практика агентств по усыновлению продолжала развиваться и в конечном счете под руководством министра внутренних дел Великобритании сэра Джона Саймона в 1936 г. был создан Комитет под председательством Флоренс Хорсбруг [30], цель которого состояла в исследовании методов деятельности обществ и агентств по усыновлению. Следуя рекомендациям этого Комитета, в 1939 г. был принят новый Закон (Правила)

об усыновлении детей (далее – Закон 1939 г.) [8], запретивший юридическим лицам, кроме зарегистрированных обществ по усыновлению или органов местного самоуправления, заключать соглашения об усыновлении детей, квалифицируя их как незаконные (ст. 1 Закона 1939 г.). Закон 1939 г. также предусмотрел обязанность обществ по усыновлению проходить регистрацию по месту своего нахождения. Данный закон создал элементарные основы того, что сейчас в английском праве именуется услугами по усыновлению, хотя на том историческом этапе эти действия включали в себя только помещение ребенка на усыновление и контроль деятельности зарегистрированных обществ по усыновлению.

Кроме этого, Закон 1939 г. определил статус органов местного самоуправления, вменив им в обязанность принимать меры, содействующие усыновлению, следуя рекомендациям Комитета о том, что органы местного самоуправления должны принимать меры для усыновления любого ребенка, стараясь обходиться без передачи его под опеку государства [14, р. 324]. Им также были введены требования о судебном порядке усыновления ребенка.

Согласие матери ребенка на усыновление по-прежнему являлось одним из основных условий. Однако многие суды не настаивали на присутствии матери ребенка при рассмотрении дела об усыновлении, и в конечном счете суду было дано право обходиться без присутствия матери ребенка на судебном заседании, получив от нее предварительное письменное согласие на усыновление ее ребенка. Становилось понятным, что конфликт между желанием усыновителей сохранить информацию о себе и о ребенке в полной секретности и стремлением должностных лиц отделения Лорд-канцлера получить эту информацию как можно раньше, а также требованиями суда о необходимости получения свободного и действительного согласия матери на усыновление ребенка мог быть решен только посредством фундаментальных изменений в законодательстве.

Такие изменения произошли в 1949 г., когда был принят Закон об усыновлении, предусматривавший окончательную законную передачу родительского статуса усыновителям. Закон об усыновлении 1949 г. (далее – Закон 1949 г.) определил, что согласие матери ребенка на вынесение приказа об усыновлении может быть дано без установления личности усыновителя в целях полной и естественной интеграции ребенка в новую семью [7]. Если родители впоследствии отзовут свое согласие на том основании, что им неизвестна личность усыновителя, такой отказ будет рассматриваться как необоснованный, и суд может вынести приказ об усыновлении без получения родительского согласия (ст. 3 (1) (с) Закона 1949 г.). Желание будущих усыновителей сохранить полную секретность об усыновлении стало главным движущим мотивом реформы законодательства об усыновлении, которая ознаменовалась решительными изменениями в сторону сведения к минимуму участия биологической матери в решении вопроса о пригодности личности усыновителей для воспитания ее ребенка.

Функции органов местного самоуправления в сфере усыновления детей, закрепленные в ст. 7 (2) Закона 1949 г., заключались в том, что органы местного самоуправления имеют право «на основании вступившего в силу закона участвовать в соглашениях об усыновлении детей». При этом предусматривался трехмесячный пробационный период, в течение которого до момента вынесения приказа об усыновлении ребенок должен был находиться под надзором органов местного самоуправления. Мысль, лежавшая в основе этих нововведений, заключалась не в том, что органы местного самоуправления должны занять место добровольных обществ по усыновлению, прежде выполнявших основную работу по усыновлению, вытеснив последних и узурпировав их функции, а в том, чтобы сделать услуги по усыновлению детей более доступными, ограничив оказание посреднических услуг по усыновлению посторонними лицами. Таким образом, благодаря неоднократному пересмотру законодательства об усыновлении в первой половине XX столетия, практика усыновления получила новый импульс, развиваясь от частной или любительской деятельности к государственным формам предоставления услуг органами местного самоуправления и профессиональными агентствами по усыновлению.

Послевоенное английское общество столкнулось с социальной проблемой значительного роста числа незаконнорожденных детей у представителей среднего класса и необходимостью их устройства на семейное воспитание. «Социальное пятно» незаконнорожденности и связанные с этим финансовые трудности заставляли одиноких матерей отдавать своих детей на усыновление, как правило, состоящим в зарегистрированном браке бездетным семейным парам. На практике при усыновлении особое внимание уделялось здоровью детей и соответствию их физических характеристик физическим характеристикам их усыновителей. Миф о рождении ребенка был окружен пеленой секретности, и фикция рождения ребенка «родителями в законном браке» стала укрепляться все сильнее. Такой стереотип укоренился, и в 1951 г. усыновление младенцев составило 52% от общего числа всех усыновлений. К 1968 г. эта пропорция стала еще больше, достигнув 76% от общего числа всех усыновлений, среди которых 91% всех усыновлений составили незаконнорожденные дети. Усыновление внебрачных младенцев стало основной практикой в английском праве усыновления [9, р. 6].

В то же время новорожденные дети усыновлялись не только посторонними лицами, но также и своими биологическими матерями, отчимом или мачехой. Хотя усыновление ребенка его приемным родителем не подвергалось специальному регулированию, в период 1920-30-х гг. такие судебные приказы выносились, и к 1950 г. практика усыновления отчимом или мачехой ребенка стала обычным явлением. В ст. 1 (1) Закона 1949 г. устанавливалось, что законнорожденный ребенок может быть усыновлен своей матерью или своим отцом как самостоятельно, так и совместно со своим супругом. Таким образом, Закон об усыновлении детей 1949 г. в целом завершил создание модели усыновления, приведя английскую концепцию права усыновления в соответствие с римским правом [Ibidem].

Конец 60-х – начало 70-х гг. XX столетия ознаменовались в Англии грандиозными социальными изменениями и усилением государственного контроля в области защиты прав детей, лишенных родительского

попечения. Смягчение позиции законодателей по вопросу о незаконнорожденности, расширение возможности применения контрацептивных средств, легализация аборт [1, с. 91], с одной стороны, способствовали значительному снижению числа усыновлений, а с другой – стимулировали стремление к усыновлению детей теми, кто их не имел. Желание усыновлять новорожденных оставалось по-прежнему большим. В течение того же периода изменения, касавшиеся усыновления детей их отчимами или мачехами, не были так очевидны. Однако после принятия Закона о реформе в бракоразводной сфере 1969 г., вступившего в силу в 1971 г., их число резко увеличилось, составив приблизительно 1/3 от общего числа всех усыновлений.

В течение 70-х гг. XX столетия общественное мнение продолжало меняться. Осознание того, что усыновление законнорожденного ребенка после вступления его матери в повторный брак прерывает связь ребенка с остальными кровными родственниками, происходило наряду с растущим пониманием важности установления биологического происхождения ребенка и сохранения его связей с кровнородственной семьей. Этот вопрос созрел для законодательного пересмотра.

Наиболее значительные изменения затронули детей, находящихся под опекой органов местного самоуправления. Политика заботы о ребенке, проводимая в Соединенном Королевстве в 70-е гг. XX столетия, получила название «постоянное планирование» [28]. В значительной мере этому способствовала получившая широкую известность работа Джозефа Голдштейна, Анны Фрейд и Альберта Солнита, опубликованная в 1973 году [19], в которой авторы опровергали господствующую традиционную модель мышления, утверждая, что социальный родительский статус должен преобладать над биологическим родительским статусом. Их тезисы – многие из которых для того времени были революционными – ставили своей целью усилить психологическую защиту правоотношений между приемными родителями и детьми.

Авторы другого исследования – Джейн Роув и Лидия Ламберт, опубликовавшие в 1973 г. книгу под названием «Дети, которые ждут» [33], подчеркивали необходимость долгосрочного планирования семейного устройства детей, находящихся под опекой, с целью последующей их передачи на усыновление.

Растущее понимание того факта, что многие дети проводят все свое детство, находясь под опекой государства, совпало с продолжающимися требованиями бездетных пар о предоставлении им возможности усыновить ребенка для восполнения своей семьи. Агентства изучали мнение потенциальных усыновителей о детях, которые могли бы быть усыновлены, и начали использовать усыновление как гарантию долгосрочного благосостояния детей старшего возраста. Важность усыновления данной категории детей была подчеркнута еще в Докладе об опеке детей, сделанном в 1946 г. [15], но на практике такое усыновление развивалось очень медленно.

Значительный вклад в дальнейшее развитие законодательства об усыновлении внесли рекомендации, сделанные Ведомственным комитетом Хагтона, который в 1969 г. произвел кардинальный пересмотр права, политики и практики усыновления. В докладе Комитета, опубликованном в 1972 г., главными причинами снижения числа усыновлений были названы нежелание производить на свет детей в связи с ростом благосостояния, а также изменение положения одиноких матерей, получивших возможность самостоятельно воспитывать своих детей, получать государственные пособия и успешно трудоустроиться [13, р. 795].

В докладе Комитета Хагтона особо подчеркивалось, что ребенок является центральной фигурой при усыновлении, при котором главной целью является семейное воспитание детей, лишенных родительского попечения. В поддержку этого основного принципа Комитет рекомендовал предусмотреть в качестве основополагающей функции органов местного самоуправления предоставление комплекса услуг по усыновлению, «...которые являются всеобъемлющими по своим возможностям и доступными для всех нуждающихся на всей территории страны». В связи с этим было предложено создать хорошо контролируруемую и интегрированную службу заботы о детях [31]. Таким образом, перед государственными и частными организациями, а также добровольными обществами по усыновлению была поставлена задача по развитию широкой сети услуг по усыновлению. Их общей целью являлось объединение службы по усыновлению с другими службами, осуществляющими заботу о детях, для создания благоприятных условий в целях усыновления того ребенка, для которого эта форма семейного устройства представлялась оптимальной. Комплексная служба включала в себя также и службу социальной работы с биологическими родителями ребенка, желающими отдать его на усыновление [Ibidem].

Дальнейшие рекомендации Комитета Хагтона касались основных требований, предъявляемых к усыновителям; принятие решений о соответствии усыновителей этим требованиям возлагалось на агентства по усыновлению; предлагалось также сохранять тайну усыновления до того момента, пока сами усыновители не захотят ее раскрыть. При этом особое внимание Комитета было обращено на недопустимость помещения детей на усыновление частными лицами – посредниками, не являющимися родственниками детей, что с момента вступления в силу в 1982 г. Закона о детях 1975 г. (ст. 28) стало квалифицироваться как преступление.

Комитет Хагтона также поднял многие нерешенные вопросы по реформе права усыновления, в частности, выразив беспокойство по поводу распространения концепции усыновления в отношении отчима или мачехи и их родственников. Так, в 1970 г., несмотря на то, что большинство усыновлений было произведено лицами, не имеющими родственных связей в отношении младенцев или детей, не достигших одного года, большинство усыновлений детей более старшего возраста – фактически 90% в возрастной группе от 5 до 9 лет и 84% – от 10 лет и старше – было произведено мачехами и отчимами.

Отрицательная оценка законодателей по вопросу совместного усыновления ребенка его кровным и приемным родителем незамедлительно сказалась на общем количестве таких усыновлений. Так, если в 1971 г. был вынесен 10751 приказ об усыновлении приемными родителями, и в течение 70-х гг. XX столетия суда было вынесено еще свыше 7000 приказов, что составило 70% от общего числа усыновлений, то к 1983 г.

их количество снизилось до 2872, что составило 31,8% от общего количества вынесенных приказов, а в 2004 г. их было всего 1107, т.е. 23% от общего числа усыновлений [24].

По мнению Комитета Хагтона, в большинстве случаев альтернативой усыновления ребенка его родственниками, новым супругом его родителя, а также приемными родителями должна была стать опека, которая представлялась в качестве способа, обеспечивающего правовую защиту тем детям, которые проживали в семье на долговременной основе без изменения своего имени и фамилии, сохраняя, таким образом, кровнородственные связи. Идея, лежавшая в основе концепции опеки, была предельно ясна и заключалась в требовании предоставления долгосрочных гарантий и обеспечения постоянного семейного воспитания детям, оставшимся без родительского попечения, без полной передачи законных прав и обязанностей со стороны их родителей.

Комитет Хагтона рекомендовал также ввести новую процедуру, получившую название «подготовка ребенка к усыновлению» [31], положения которой были предусмотрены Законом о детях 1975 г. Это была попытка решить проблему, связанную с согласием на усыновление, суть которой заключалась в следующем. Следуя системе, применяемой во многих штатах США, родитель получал право принять окончательное решение отказаться от своих родительских прав и обязанностей в отношении своего ребенка в целях его дальнейшего усыновления. Таким образом, родитель мог дать полное и безоговорочное согласие на усыновление без указания конкретного лица на первоначальной стадии процесса усыновления – до того, как ребенок был помещен на усыновление или до вынесения окончательного приказа об усыновлении. Если ребенок находился под опекой органов местного самоуправления, то они или зарегистрированные агентства по усыновлению получали право обращаться в суд с заявлением о передаче им родительских прав и обязанностей [Ibidem]. Это означало, что ребенок мог быть «подготовлен» для усыновления, и впоследствии приказ об усыновлении выносился без дальнейшей необходимости получения родительского согласия. Таким образом, процедура «подготовки ребенка к усыновлению» отделила процесс получения согласия родителей на усыновление от непосредственной передачи ребенка на усыновление (ст. 14, 18 Закона о детях 1975 г.), устранив тем самым существовавшую долгое время зависимость между согласием родителей и усыновлением, когда родители могли давать свое согласие на усыновление только конкретным лицам. Однако приказ о подготовке к усыновлению в отличие от приказа об усыновлении, который должен был обычно следовать после него, не влиял на статус родителей как таковой. Законодательство предусмотрело определенную меру защиты для родителя на тот случай, если ребенок не будет усыновлен, однако эти положения привели к возникновению ряда проблем [26, р. 220]. В действительности ребенок оказывался в уникальном правовом «заточении», а его родители не сохраняли по отношению к нему родительских прав.

Необходимость устройства детей более старшего возраста привела к ключевым изменениям в практике органов местного самоуправления – усыновление становится способом, посредством которого могло быть защищено долговременное благополучие не только младенцев, но и подростков, включая недееспособных детей, страдающих различного рода физическими или психическими заболеваниями.

Предметом особого внимания Комитета Хагтона явился принцип сохранения кровной семьи ребенка, «насколько это представлялось реальным» [31]. В то же время в треугольнике усыновления (ребенок – усыновители – биологические родители) права биологических родителей заняли последнее место.

Комитетом Хагтона была выработана концепция, положенная затем в основу Закона об усыновлении 1976 г. Согласно данной концепции, усыновленным детям должны были предоставляться такие же права в наследовании, какими обладали родные дети усыновителей. В результате полного прекращения отношений ребенка с биологической семьей должно было быть создано новое и не подлежащее отмене правоотношение с тремя исключениями: усыновленный ребенок не мог наследовать звание пэра; сохранялись запреты при вступлении в брак по отношению к его биологической семье; отказывалось в праве на изменение национальности и гражданства [Ibidem].

Таким образом, во второй половине XX столетия в английском законодательстве об усыновлении произошел фундаментальный сдвиг от понимания усыновления как средства создания новой семьи для бездетных лиц среднего класса английского общества к пониманию его как института, гарантирующего новую постоянную семью для ребенка, сохраняющую его связи с кровнородственной семьей и получавшую поддержку со стороны государства.

Большинство рекомендаций, сделанных Комитетом Хагтона, было принято и инкорпорировано в Закон о детях 1975 г. [10], который ужесточил требования к передаче детей на усыновление и объявил посредническую деятельность по усыновлению незаконной. Под особый контроль были взяты вопросы защиты детей – их устройство под надзором органов местного самоуправления, а также передача на усыновление с правом наследования имущества их усыновителей. Семьям усыновителей был разрешен доступ к документам о рождении ребенка с целью установления его возможных родственников. Усыновленные дети по достижении совершеннолетнего возраста могли получать свои первоначальные свидетельства о рождении и, соответственно, устанавливать своих биологических родителей. Таким образом, принятие Закона о детях 1975 г. завершило процесс «профессионализации работы по усыновлению», являвшийся одной из главных целей деятельности комитета Хагтона, подвергнув институт усыновления полному правовому регулированию.

Очередной крупной вехой развития английского законодательства об усыновлении стал Закон об усыновлении 1976 г. [3], явившийся результатом размышлений и исследований конца 60-х – начала 70-х гг. XX столетия. Консолидировав все предшествующие законы об усыновлении, включая Закон о детях 1975 г., Закон об усыновлении 1976 г. (далее – Закон 1976 г.) получил Королевскую санкцию 22 июля 1976 г.,

но не был полностью введен в действие до 1 января 1988 г. Незначительные изменения были внесены в него Законом о детях 1989 г.

Закон 1976 г. был воспринят английским общественным мнением как удовлетворение ранее выдвигаемых требований по вопросам усыновления, несмотря на расхождение с практикой его применения. Он регулировал вопросы усыновления детей в течение последующих лет и содержал в себе ключевые правовые концепции, ставшие основой построения современного английского законодательства об усыновлении.

Одним из главных положений Закона 1976 г. стало право суда выносить приказ об усыновлении, который прекращал родительскую ответственность родителей ребенка и передавал ее усыновителям (ст. 12 (1), (2) Закона 1976 г.). Ребенок рассматривался как рожденный усыновителями в законном браке и как член их семьи со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Правоотношения между ребенком и усыновителями приравнивались к тем, которые существовали между родителями и их законнорожденным ребенком. Заявить о совместном усыновлении одного и того же ребенка имели право только состоящие в браке супружеские пары (поэтому не состоящие в браке сожительствующие пары или брат и сестра, например, исключались), и агентства неизменно помещали детей в такие семьи, поддерживая заведенный порядок (ст. 14 Закона 1976 г.). Право быть усыновителями имели и одинокие лица (ст. 15 Закона 1976 г.), однако на практике такие заявления, как правило, поступали от не состоящего в браке родителя ребенка или родственника.

Закон 1976 г. предусматривал только одну форму усыновления – полное усыновление. Был расширен перечень оснований, когда для усыновления ребенка не требовалось согласие родителей, и зафиксированы положения, предусматривающие материальное вознаграждение для усыновителей [Ibidem].

Согласно данному закону, благосостояние ребенка при усыновлении не являлось для суда принципом верховенства, который применялся при рассмотрении вопроса об опеке. Таким образом преднамеренно подчеркивалась разница между принципом верховенства и принципом первостепенности в спорном вопросе о том, какое значение для дела следует придавать благосостоянию ребенка в противовес другим обстоятельствам. По мнению проф. С. Кретни, благосостоянию ребенка должно было придаваться большее значение, чем другим обстоятельствам, но оно не должно было превалировать над ними [12, p. 426-427].

Закон об усыновлении 1976 г. предусмотрел, что ни приказ об усыновлении, ни приказ о подготовке к усыновлению не могут быть вынесены до тех пор, пока каждый из родителей или опекунов ребенка свободно и с полным пониманием происходящего не даст своего безусловного согласия на усыновление или, в качестве альтернативы, суду не потребуется их согласия на усыновление (ст. 16 (1), (2), 18 (1), 72 (1)). Требование безусловного согласия на усыновление в Законе 1976 г. явилось еще одной чертой концепции усыновления, отличавшей ее от законной опеки. Даже если усыновление отвечало всем интересам ребенка, суд не мог вынести приказ, если на это не было родительского согласия.

Несмотря на положенную в основу Закона 1976 г. концепцию, предполагавшую, что сохранение тайны усыновления является одним из жизненно важных его условий, было зафиксировано право усыновленного ребенка при достижении им совершеннолетнего возраста получать свое первоначальное свидетельство о рождении (ст. 51). Вместе с тем Закон 1976 г. не предусматривал положений, дающих право родителям получать информацию о своем ребенке [3].

Наиболее острые споры вызвал вопрос об «открытом усыновлении», допускающем возможность продолжения общения усыновленного ребенка со своими родителями и родственниками по происхождению. Закон 1976 г. предусмотрел, что приказ об усыновлении может включать в себя такие определения и условия, которые, по мнению суда, будут удовлетворять в первую очередь интересы ребенка. Несмотря на явное противоречие, английские суды никогда не отрицали, что возможность сохранения связи ребенка со своей кровнородственной семьей может стать одним из условий приказа об усыновлении. Признание получил также факт, что родительские права, которые передаются при усыновлении ребенка, не обязательно могут быть «исключительными», несмотря на то, что их передача будет абсолютно законной. Тем самым английское право усыновления изменило свой вектор развития в сторону защиты прав ребенка, лишённого попечения родителей, для создания условий, обеспечивающих долговременную заботу о нем, а не для усыновителей в целях восполнения их семьи. Факт, что кровнородственная семья могла бы сохранять какую-либо связь с ребенком и после его усыновления, противоречил как философии тайны усыновления, законодательно поддерживаемой Законом об усыновлении 1976 г., так и исключительности роли усыновителей.

С середины и до конца 1980-х гг. в практике усыновления произошли значительные изменения. Так, органами местного самоуправления путем проведения широких общественных кампаний, из которых наибольшую известность получила кампания «Будь моим родителем», организованная по схеме Британской ассоциации по усыновлению и воспитанию (BAAF), были достигнуты определенные успехи в помещении на усыновление так называемых трудных детей. Значительно выросло число усыновлений, для которых не требовалось согласие родителей ребенка, а также повсеместно увеличилось количество усыновлений детей старшего возраста, находящихся под опекой органов местного самоуправления.

Принятие в 1989 г. Закона о детях – крупного консолидированного акта, заменившего концепцию «родительских прав» на концепцию «родительской ответственности», повлекло за собой внесение некоторых изменений в законодательство об усыновлении, однако не подвергло его существенному пересмотру. Ст. 34 Закона о детях 1989 г. отнесла рассмотрение дел об усыновлении к категории «семейного судопроизводства». Первоначальный результат этих изменений выразился в росте ожиданий «открытого» усыновления,

проявлением чего стала участвовавшая практика кровных родителей обращаться за восстановлением права на общение с ребенком, который уже находился у приемных родителей или у будущих усыновителей.

Следует отметить, что проводимая английским правительством политика не замедлила сказаться на вопросах усыновления, следствием чего явилось снижение числа детей, подлежащих усыновлению. Так, согласно статистическим данным, если в 1991 г. в Англии и Уэльсе был усыновлен 6901 ребенок, в 1995 г. – 5480 детей, то к 1999 г. их число составило уже 4988 детей [27].

Положения Закона о детях 1989 г. побудили законодателей произвести полный пересмотр законодательства об усыновлении. Процесс его реформирования начался с создания Межведомственного комитета под эгидой Департамента здравоохранения и образования рабочей группы, результатом работы которой в сентябре 1990 г. стала публикация дискуссионных докладов «Сущность и правовые последствия усыновления» [21] и «Международные перспективы и обзор исследований, касающихся усыновления» [23]. А в 1991 г. был издан межведомственный обзор права усыновления, включивший в себя дискуссионные документы «Соглашения и свобода усыновления», «Процесс усыновления» и «Международное усыновление» [22]. Завершающей публикацией стала работа «Обзор права усыновления: доклад министрам межведомственной рабочей группы» [32], изданная в 1992 г., которой предшествовали консультации с добровольными и профессиональными организациями, отдельными специалистами в области социальной работы с детьми. В этом важном и тщательно проработанном документе освещались такие фундаментальные вопросы как сущность и правовые последствия усыновления, соглашения об усыновлении, помещение на усыновление агентствами, усыновление родственниками и приемными родителями ребенка (отчимами и мачехами), оказание услуг по усыновлению, контакты после усыновления, а также вопросы международного усыновления.

Как было отмечено в Обзоре права усыновления 1992 г., ожидалось, что усыновление будет продолжать играть «свою неопределимую роль для детей», особенно для тех, кто «не имеет возможности вернуться в свои семьи» [Ibidem]. И хотя усыновление рассматривалось в качестве последнего средства семейного воспитания ребенка, было признано его долгосрочное значение для всей последующей жизни как самих усыновителей, так и детей.

На основе Обзора права усыновления 1992 г. в следующем 1993 г. в Белой книге (White Paper) – правительственном документе по совершенствованию политики в области законодательства под названием «Усыновление: будущее» [36] были предложены решения по ряду различных спорных вопросов английского законодательства об усыновлении. Основной целью реформы законодательства об усыновлении было объявлено удовлетворение потребностей детей, а только потом – усыновителей, при этом акцент по-прежнему делался на сохранении для ребенка его кровной семьи.

С приходом к власти лейбористского правительства идея о значимости кровной семьи для ребенка стала постепенно утрачивать свое значение. Новое правительство провозгласило курс на расширение полномочий органов местного самоуправления в сфере усыновления тех детей, чье возвращение в свои биологические семьи противоречило их интересам и не представлялось возможным. В докладах Социальной службы инспекторов 1996 г. и 1997 г. [17; 18] и Циркуляре органов местного самоуправления [25] в августе 1998 г. были рассмотрены вопросы, касавшиеся оказания различного рода услуг по усыновлению.

Положительная оценка усыновления была в дальнейшем положена в основу правительственной программы по оказанию услуг для детей с целью «максимизировать вклад усыновления, которое в надлежащих случаях может обеспечить постоянные семьи для детей» [37]. Следует отметить, что дальнейшее давление со стороны правительства способствовало увеличению количества усыновлений детей, находящихся под опекой органов местного самоуправления.

В июле 2000 г. было опубликовано исследование об усыновлении детей, состоящих под опекой органов местного самоуправления, где было отмечено, что «первой обязанностью социальных служб органов местного самоуправления, в случае, если дети не могут воспитываться в семье своих кровных родителей, является поиск возможностей их воспитания в родственных им семьях» [35]. По сравнению с 1993 г. позиция английского правительства по вопросам поддержки детей и усыновителей в 2000 г. значительно усилилась. Несмотря на признание того, что «воспитание детей в своих семьях предполагает для них лучшие перспективы в будущем» [Ibidem], идея о том, что следующим, после семьи, наилучшим выбором для ребенка является усыновление, получила мощный импульс к своему дальнейшему развитию.

Одним из ключевых вопросов законодательства об усыновлении, поднятых второй волной реформ в 2000 г., явилось очевидное отсутствие согласованности между Законом 1976 г. и Законом 1989 г. Если Закон 1989 г. провозглашал благосостояние ребенка принципом верховенства, то Закон 1976 г. – принципом первостепенности. Эти различия были связаны с тем, что усыновление фундаментально отличалось от других форм воспитания ребенка в семье, полностью заменяя отношения, существовавшие в его кровнородственной семье.

Для расширения способов устройства ребенка в семью с целью защиты его прав путем усыновления английским правительством была признана необходимость уменьшения количества запретов и ограничений в отношении выбора кандидатов в усыновители (например, состоят ли они в браке или одиноки) [Ibidem], а также оказания помощи усыновителям со стороны кровных родителей ребенка [2].

В декабре 2000 г. был опубликован доклад под названием «Усыновление: новый подход» [Ibidem]. Спустя три месяца, 15 марта 2001 г., министр здравоохранения Алан Мильбурн передал законопроект об усыновлении и детях в парламент, где он прошел три публичных чтения и получил поддержку большинства законодателей. К 17 января 2002 г. Специальным комитетом в законопроект было внесено 137 поправок, а к 20 марта 2002 г. еще 90 поправок и добавлено 4 новых пункта. Из них наиболее спорным оказался вопрос

о предоставлении права на совместное усыновление парами, не состоящими между собой в браке, и однополыми парами, который после долгих и продолжительных дискуссий был решен положительно. Таким образом, законопроект об усыновлении и детях стал символом борьбы между левыми и правыми, либералами и консерваторами, различными взглядами на мораль, законность и несправедливость, ареной борьбы между современными потребностями и стремлением к сохранению консервативных ценностей. Вместе с тем именно этот законопроект подготовил почву для ратификации Соединенным Королевством в июне 2003 г. Гагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г. В конечном счете правительственные поправки были поддержаны большинством из 31 пэра, и 7 ноября 2002 г. законопроект получил Королевскую санкцию, став Законом об усыновлении и детях 2002 г. [5], вступившим в силу 30 декабря 2005 г., отменив ранее принятый Закон об усыновлении 1976 г.

Принятие данного закона еще раз продемонстрировало очевидный факт: несмотря на все политические баталии, центральное место в обеспечении национальной стабильности Великобритании законодатели отвели семье и ее ценностям, отказавшись от институциональной стигматизации усыновления и уравнив правовой статус социального родительства с родительством кровнородственным. Закон об усыновлении и детях 2002 г. явился результатом проведения сильной социальной политики английского государства, сделавшей возможным создание комплексной системы защиты благосостояния детей, лишенных родительского попечения, способной гибко реагировать и удовлетворять как интересы каждого ребенка, так и семьи в целом.

Список литературы

1. **Казмирская Ю. В.** Искусственное прерывание беременности и конституционные права человека в праве России и зарубежных стран мира (на примере США, Великобритании, ФРГ, Франции) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 90-93.
2. **Adoption, a New Approach – a White Paper** [Электронный ресурс]. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+www.dh.gov.uk/en/Publicationsandstatistics/Publications/PublicationsPolicyAndGuidance/DH_4006581 (дата обращения: 29.07.2013).
3. **Adoption Act 1976** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/36/contents> (дата обращения: 29.07.2013).
4. **Adoption Allowance Regulations 1991** [Электронный ресурс] // Statutory Instruments. 1991. № 2030. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/1991/2030/made> (дата обращения: 29.07.2013).
5. **Adoption and Children Act 2002** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/38/contents> (дата обращения: 29.07.2013).
6. **Adoption of Children Act 1926** [Электронный ресурс]. URL: <http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~framland/acts/adopt1926.htm> (дата обращения: 15.07.2013).
7. **Adoption of Children Act 1949** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/12-13-14/98/contents> (дата обращения: 15.07.2013).
8. **Adoption of Children (Regulation) Act 1939** [Электронный ресурс]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/acts/adoption-of-children-regulation-act-1939> (дата обращения: 15.07.2013).
9. **Bridge C., Swindells H.** Adoption – the Modern Law. Bristol, 2003. 483 p.
10. **Children Act 1975** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1975/72/contents> (дата обращения: 15.07.2013).
11. **Cretney S. M.** Law, Law Reform and the Family. Oxford: Clarendon Press, 1998. 285 p.
12. **Cretney S. M.** Principles of Family Law. 4th ed. L.: Sweet & Maxwell, 1984. 1018 p.
13. **Cretney S. M., Masson J. M., Bailey-Harris R.** Principles of Family Law. 7th ed. L.: Sweet & Maxwell, 2003. 901 p.
14. **Cross Currents: Family Law and Policy in the United States and England** / ed. by S. N. Katz, J. Eekelaar, M. Maclean. N. Y.: Oxford University Press, 2000. 667 p.
15. **Curtis Report on the Care of Children:** command paper 6922. L.: His Majesty's Stationery Office, 1946.
16. **First Report of the Child Adoption Committee (Tomlin First Report):** command paper 2401. L.: His Majesty's Stationery Office, 1925.
17. **For Children's Sake: a SSI Inspection of Local Authority Adoption Services.** L.: Social Services Inspectorate, Department of Health, 1996. 80 p.
18. **For Children's Sake (part 2): an Inspection of Local Authority Post-Placement and Post-Adoption Services.** L.: Social Services Inspectorate, Department of Health, 1997. 77 p.
19. **Goldstein J., Freud A., Solnit A. J.** Beyond the Best Interests of the Child. N. Y.: Free Press, 1973. 170 p.
20. **Hoggett B., Pearl D.** The Family, Law and Society – Cases and Materials. L.: Butterworths, 1991. 820 p.
21. **Inter-Departmental Review of Adoption Law. Discussion Paper № 1: The Nature and Effect of Adoption.** L.: Department of Health, 1990. 79 p.
22. **Inter-Departmental Review of Adoption Law. Discussion Paper № 2: Agreement and Freeing.** L.: Department of Health, 1992. 106 p.
23. **Inter-Departmental Review of Adoption Law. International Perspectives and Review of Research Relating to Adoption.** L.: Department of Health, 1990. 86 p.
24. **Judicial Statistics. Annual Report 2004. Family Matters. Table 5.4** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.official-documents.gov.uk/document/cm65/6565/6565.pdf> (дата обращения: 04.08.2013).
25. **Local Authority Circular** [Электронный ресурс]. 1998. № 20. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+www.dh.gov.uk/prod_consum_dh/groups/dh_digitalassets/@dh/@en/documents/digitalasset/dh_4011200.pdf (дата обращения: 04.08.2013).
26. **Lowe N. V.** Freeing for Adoption – the Experience of the 1980s // Journal of Social Welfare and Family Law. 1990. Vol. 12. Issue 4. P. 220-234.

27. **Marriage, Divorce and Adoption Statistics, England and Wales** [Электронный ресурс]. Series FM2. 1999. № 27. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/vsob1/marriage--divorce-and-adoption-statistics--england-and-wales--series-fm2--no--27--1999/index.html> (дата обращения: 15.08.2013).
28. **Parker R. A.** Planning for Deprived Children. L., 1971. 55 p.
29. **Report of the Committee of Child Adoption (Hopkinson Report)**: command paper 1254. L.: His Majesty's Stationery Office, 1921.
30. **Report of the Departmental Committee on Adoption Societies and Agencies (Horsbrugh Report)**: command paper 5499. L.: His Majesty's Stationery Office, 1937.
31. **Report of the Departmental Committee on the Adoption of Children (The Houghton Committee)**: command paper 5107. London: His Majesty's Stationery Office, 1972.
32. **Review of Adoption Law**: Report to Ministers of an Interdepartmental Working Group: a Consultative Document (—The 1992 Review of Adoption Law—). L., 1992.
33. **Rowe J., Lambert L.** Children Who Wait. L.: Association of British Adoption and Fostering Agencies, 1973. 195 p.
34. **Second Report of the Child Adoption Committee**: command paper 2469. L.: The Home Department by Command of Her Majesty, 1924-1925.
35. **Select Committee on the Adoption and Children Bill** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.uk/business/committees/committees-archive/select-committee-on-the-adoption-children-bill/> (дата обращения: 15.08.2013).
36. **The White Paper – Adoption: the Future**: command paper 2288. L.: Department of Health, Social Services and Public Safety, 1993.
37. **The Written Answer by John Hutton, Minister with Responsibility for Social Services at the Department of Health. House of Commons. Debate. 2 March, 2000. Select Committee on Adoption and Children Bill** [Электронный ресурс]. URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmhansrd/vo000302/text/00302w20.htm#00302w20.html_sbhd2 (дата обращения: 24.08.2013).

FROM STIGMATIZATION TO STATUS: LEGISLATIVE EVOLUTION OF ADOPTION INSTITUTION IN ENGLAND IN THE XIXTH – AT THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Tatarintseva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Law
Institute of Friendship of the People of Caucasus (Branch) in Svetlograd
tatarintseva67@mail.ru

The article considers the main stages of adoption institution formation and development in England since its legalization in 1926. The conclusion about the obtained results of this institution legislative perfection is made: equating the legal status of the adopted child with the legal status of the child from the consanguine family, the availability, along with secret adoption procedure, of the open procedural mechanisms aimed at the maximum rapid transfer of the child to the family, the appreciation of social parenthood that allowed making adoption one of the priority ways of protecting the rights of children deprived of parental care.

Key words and phrases: de facto adoption; bastard newborn infants; older children; stigmatization; parents' consent to adoption; judicial procedure of adoption; protection of rights; child deprived of parental care; legal status.

УДК 9; 93

Исторические науки и археология

В статье применяется новый подход к социальной истории советской деревни, в контексте которого специалисты сельского хозяйства трактуются как социальный класс интеллектуалов. Рассматривается трансформация социокультурного облика интеллектуалов сельского хозяйства на Европейском Севере России в 1930-1950-е гг. по таким характеристикам как образовательный уровень, социальное происхождение, половозрастной состав, уровень партийности.

Ключевые слова и фразы: интеллектуальный капитал; практики; интеллектуалы сельского хозяйства; сельскохозяйственное производство; социальный класс.

Уханова Юлия Викторовна

Вологодский государственный педагогический университет
yuliya.uhanova@bk.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930-1950-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)©

В современном российском обществе знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства. В результате среди многочисленных социальных групп особое значение приобретают квалифицированные специалисты, профессионально занятые умственным трудом. В общественных науках вопрос о месте и